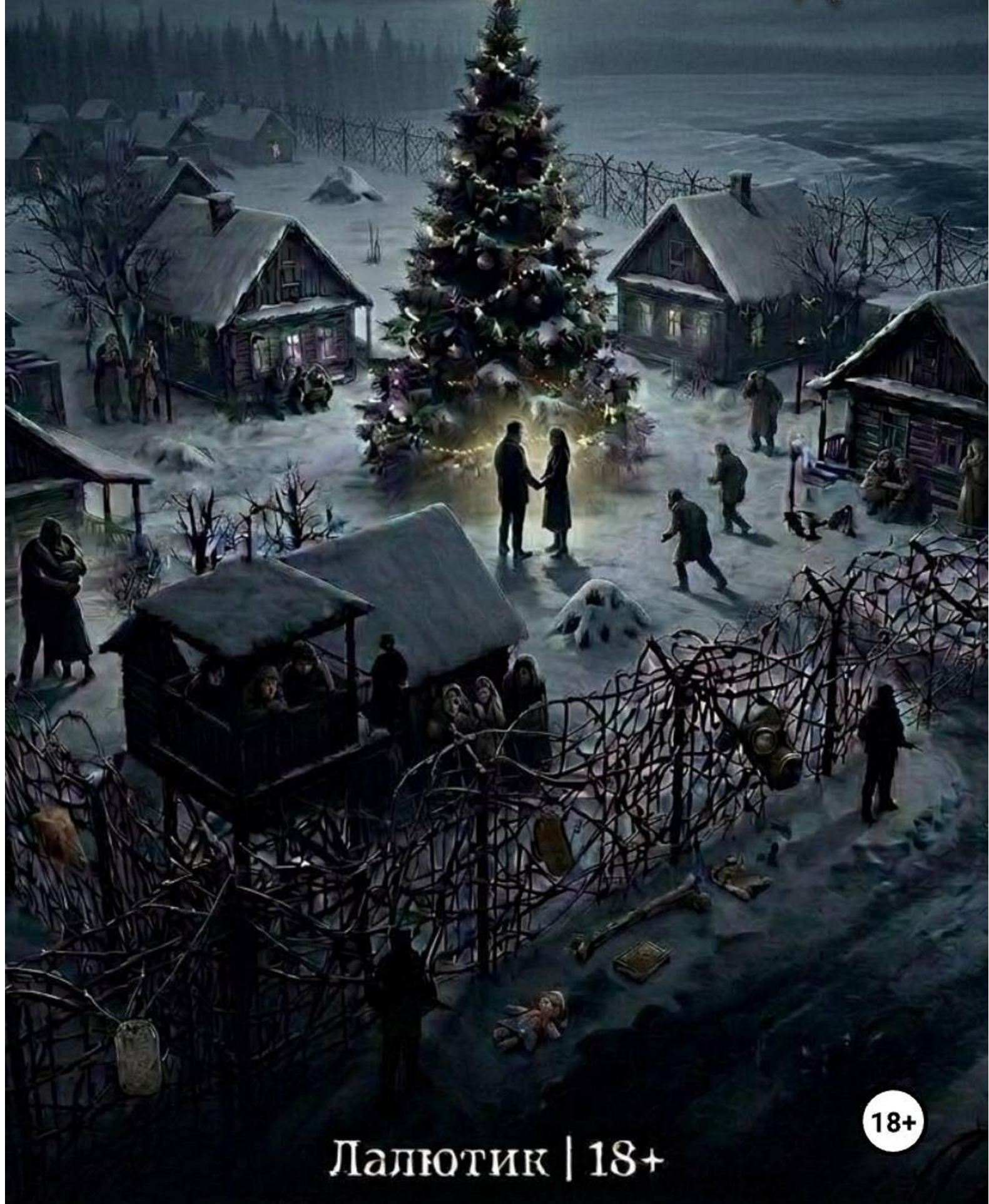

Тайна Ольховки

Лалютик | 18+

18+

ЛалютИк

Тайна Ольховки

«Автор»

2026

Лалютик

Тайна Ольховки / Лалютик — «Автор», 2026

Мой знаменитый отец, выдающийся архитектор, умер ещё год назад. Мама не может этого пережить, её скорбь с каждым днём становится всё тяжелее, поэтому мы решаем переехать в Ольховку — глухую деревню на краю России. В деревне мы наконец-то обретаем покой, тишину и иллюзию безопасности, но это длится недолго...Тринадцать существ выбрались ещё сотни лет назад из потустороннего мира, одиннадцать из них были пойманы Командой, которая Устраняет этих Потусторонних Существ (КУПС), но двое так и не были пойманы... и кажется, они где-то совсем рядом. Я — Миша. Но вскоре я почувствую... что по мои венам течёт не кровь...

© Лалютик, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эхо прошлой жизни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лалютник Тайна Ольховки

Эхо прошлой жизни

— С днём рождения, Миша, — улыбка натянулась на мамином лице с видимым трудом, словно резиновая маска. — Шестнадцать лет... Это уже серьёзный возраст.

Она поставила передо мной на стол крошечный кекс, в центре которого одиноко торчала тонкая восковая свеча. Пламя подрагивало от нашего дыхания.

— Спасибо, мама, — я закрыл глаза, задувая огонёк.

Я загадал лишь одно желание. Не как другие подростки, выпрашивающие у вселенной новый айфон или дорогие часы. Я пожелал, чтобы наша семья снова стала спокойной. Десять месяцев назад случилась трагедия, расколовшая нашу жизнь на «до» и «после».

19 декабря 2025 года умер мой отец.

Говорят, время лечит. Обманчивая, жестокая фраза. Для кого-то это правда, но для нас она обернулась изощрённой пыткой. Время не лечило — оно просто учило жить с фантомной болью.

Мой отец был главным городским архитектором. Абсолютно весь этот серый, продуваемый ветрами мегаполис — его задумка. Каждый раз, когда мы выходим на улицу, он смотрит на нас отовсюду: с фасадов монументальных зданий, с ажурных мостов над замерзшей рекой, даже решётки ливневых стоков здесь спроектированы им. Мы вспоминаем его лицо, его вечно уставшие плечи, его низкий, чуть грубоватый голос. А соседи совсем не давали маме прохода:

«Как же вы без него теперь?! Он ведь был опорой всего города!»

«А, так вы сын того самого Кодыкина? Великий был человек!»

Мне до тошноты не хотелось быть сыном того самого, который умер. Мне хотелось быть просто Мишей. Ходить в школу, прогуливать химию, спорить о музыке и впервые влюбляться. Просто жить свою подростковую жизнь, а не носить траурную табличку на груди.

В школе мои друзья были деликатны до приторности. Они смотрели на меня влажными, полными жалости глазами, говорили шёпотом и обходили стороной, боясь задеть. Но мне была невыносима эта тишина, особенно перед мамой.

Мама... Она до сих пор не может восстановиться. Словно её позвоночник перебили пополам, и она пытается ходить, делая вид, что всё в порядке.

Она почти перестала есть, неделями не выходила из своей комнаты, где плотно задёрнуты шторы. Говорить она тоже разучилась — слова давались ей с физическим усилием. Сон стал для неё роскошью, дарованной лишь горстью тяжёлого снотворного, которое пряталось в дальнем ящике комода...

— Давай посмотрим телевизор, — пытаюсь хоть как-то развлечь меня в день рождения, предложила она тусклым голосом. — Кажется, сейчас будет твоё любимое шоу.

Щелчок пульта. На экране вспыхнул новостной канал. Диктор бодро вещал на фоне циклопического стеклянного небоскрёба, сверкающего сотнями окон.

— ...новый бизнес-центр «Вершина», спроектированный Константином Кодыкиным, достроен новыми владельцами, корпорацией «Якушев-Групп». После трагической гибели Константина полгода назад его архитектурное бюро возглавил Сергей Якушев. Сейчас небоскрёб...

Звук оборвался. Мама выключила телевизор так резко, что хрустнула кнопка. стакан апельсинового сока, который она держала в руке, выскользнул из пальцев и рухнул на кафель,

разбившись на десятки мелких, острых осколков. Левый глаз матери начал мелко, неконтролируемо дёргаться.

Она молча встала, прошла в коридор. Щёлкнул замок спальни. Я сложил руки на столе и уткнулся в локти лбом.

Прошло, кажется, часа два. Я сам не заметил, как провалился в тяжёлый, вязкий сон. Из комнаты вышла мама. Под глазами залегли густые фиолетовые тени.

— Миша, иди собирай чемодан. Мы уезжаем.

Спросонья смысл слов доходил медленно. Я поднял голову, всматриваясь в её заплаканное, но вдруг ставшее пугающе решительным лицо.

— Уезжаем? Куда?

Мама согнулась над дорожной сумкой, пряча дрожащие руки, и прошептала куда-то в складки ткани:

— Всё равно куда, главное от этого города...

14 октября 2026 года — четыре дня со дня рождения Миши.

Мы въехали в небольшую, затерянную среди лесов деревушку глубоко вечером. Мы нашли небольшую деревушку на конце России. Солнце давно село, и Ольховку накрыл плотный, влажный мрак. Единственным источником света были фары нашего чёрного седана да одинокий жёлтый фонарь у покосившегося забора. Наш личный водитель заглушил мотор. Тишину нарушало только карканье ворон и редкий треск веток в лесу.

Мы выбрались наружу. Холодный осенний воздух мгновенно пробрал до костей, пахло прелой листвой, мокрой землёй и дымом из печных труб. Мама подошла к приоткрытому окну водителя.

— Спасибо, Николай. Ты уволен. Передай всем ребятам - водителям, поварам, охране, менеджменту ресторана, - что они тоже уволены. Завтра я закрываю все свои компании. Заявления на увольнения перешлите по почте.

Коля захрипел, подавившись воздухом:

— Алина Кодыкина, да вы в своём уме?! У вас там контракты на миллиарды! Налоги, партнёры, люди!

— Я знаю, Николай. Но мне всё равно.

Я расширил глаза, забыв, как дышать. Мои родители годами выстраивали эту империю, зубами выгрызали каждый контракт, жили в самолётах между странами. И вот так легко хоронит дело всей жизни одним туманным вечером в глухой деревне.

— Мам, может, не надо? — выдавил я, всё ещё ошарашенный. — На что мы будем жить?

— Миша, я устраюсь на другую работу. Пекарь, библиотекарь, медсестра — мне плевать. Не переживай об этом. Николай, спасибо за годы сотрудничества. Я больше никого из вас не хочу видеть. Никогда.

Коля долго смотрел на неё через зеркало заднего вида, тяжело вздохнул, покачал головой и уехал. Гравий возмущённо зашуршал под колёсами, растворяясь в темноте, и мы остались одни посреди пустой улицы.

Через пару минут, скрипнув калиткой, к нам подошла женщина в нелепом ярко-красном пальто и с копной рыжих кудрей. В полумраке её силуэт казался тревожным пятном.

— Здравствуйте! Вы пришли дом смотреть? Давайте я вам тут всё покажу, чайком напою! Электричество я уже включила, счётчик вон там, в сенях.

Мама молча достала из сумки смартфон, игнорируя её энтузиазм. Свет экрана болезненно резанул по глазам.

— Не вижу смысла осматривать. Где реквизиты? Куда перевести деньги?

На тот момент мне показалось, что эта полная женщина в красном — самый счастливый человек на земле. Мама перевела сумму, которой хватило бы на покупку квартиры в центре столицы, трясущимися пальцами подписала документы прямо на капоте машины и взяла тяжёлые, холодные железные ключи.

— Ну что, добро пожаловать в Ольховку! — всплеснула руками риелторша. — Самый крепкий дом в деревне, пять комнат, настоящая русская печь. Самая тихая глушь во всей России. Ни одного блогера, ни одной стройки! Удачи в новом доме!

Женщина быстро развернулась, села в свою машину и уехала прямо в глушь леса.

Я подошёл к маме сзади и крепко обнял её за пояс, зарываясь носом в воротник пальто. От неё всё ещё едва уловимо пахло дорогими духами из прошлой жизни.

— Не бойся, сынок, — она положила свою ледяную ладонь поверх моей руки. — Теперь мы точно обретём покой. Я тебе обещаю.

— Я люблю тебя, — сказал я ей, забирая связку ключей. Металл был ледяным.

Я подошёл к перекошенной входной двери, вставил ключ в старый навесной замок. Скрежет металла разорвал тишину. Петли простонали, и дверь открылась, выдохнув в лицо облако спёртого воздуха.

Изнутри пахло сыростью, гниющим деревом, сухой пылью и чем-то варёным, кисловатым. Старыми щами.

В свете единственного уличного фонаря, падавшем сквозь окно, мы увидели длинный тёмный коридор и несколько дверей. Это оказалось огромное пространство. Мы быстро распределили себе спальни: мама молча кивнула на большую комнату слева от печи, где стояла массивная кровать с железной спинкой, а я взял угловую каморку поменьше с крошечным окном, на вид леса. Этот лес... Казалось, обычные хвойные деревья. Но он меня настолько сильно манил, что...

Скрип разошедшихся половиц под нашими шагами звучал оглушительно. Мы скинули рюкзаки и чемоданы прямо на пыльные доски, бросили на продавленные диваны привезённые с собой подушки. Закрыли тяжёлую входную дверь на шаткую щеколду. И легли спать, даже не раздеваясь, слушая, как за стеной шумит октябрьский лес и как во дворе тоскливо воет чья-то собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.